

Анна
ШАХОВА

— ВАНИЛЬНЫЙ —
ЗАПАХ СМЕРТИ

— ЖАНРЫ —

Частный детектив Люша Шатова

Анна Шахова

Ванильный запах смерти

«АСТ»

2014

Шахова А.

Ванильный запах смерти / А. Шахова — «АСТ»,
2014 — (Частный детектив Люша Шатова)

Молодой супружеской паре, едва сводящей концы с концами, достается по наследству миниотель в Подмосковье. Это ли не подарок судьбы? Впрочем, радость новоявленных бизнесменов сменяется паникой. От отравления наркотиками погибает именитый постоялец. Свидетеля его смерти также пытаются отравить. И это только начало страшных преступлений, происходящих на пространстве небольшого загородного дома. Череда убийств, кража раритетов, таинственное исчезновение главного подозреваемого рождает взаимоисключающие версии, в которых запутывается и официальное следствие, и частный детектив Люша Шатова. К тому же райский уголок, ставший проклятым местом, таит для самой сыщицы смертельную опасность...

© Шахова А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шахова

Ванильный запах смерти

© Шахова А.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Малому бизнесу России – с почтением, состраданием и сестринской любовью

Пролог

Мой юный сын-китаист, не только повышения языкового уровня ради, но и познания жизни для, устроился работать в Поднебесной в крупную фирму, с руководством которой он, без излишнего панибратства, подружился. И узнал от воротил-миллионщиков кинематографически затейливую историю их восхождения, которую кратко изложил мне в письме. От рассказа веяло чем-то родным, вечным и беспощадным. Кроме сентиментального «все люди – братья» захотелось воскликнуть: «Гвозди бы делать из этих людей!» Итак, история...

...берет свое начало во мраке лихих и сумрачных девяностых, в самом их зачатке. Крестьянский сын Мин Сян тогда служил надзирателем в тюрьме на севере Китая. Впрочем, кровь и юность позвали его прочь от родных рецидивистов – в Иркутск, динамично развивающийся город одной, вставшей на путь первоначального накопления капитала, экс-сверхдержавы. Там он обосновался на базаре, где приторговывал разным незатейливым скарбом китайского происхождения. Будучи человеком предприимчивым и взяв на вооружение имя Миша, учебник грамматики русского языка и первую славянскую жену, сын маньчжурских степей стремительно пошел в гору – стал возить русский лес на другой берег Амура. Здесь он уже оброс всеми приличествующими серьезному человеку атрибутами: телохранителями, шестисотым «Мерседесом», ингушской братвой, любовницами, рыцарской способностью выпить ведро водки и ходить с рогатиной на медведя. Увы, за вертикальным взлетом последовало зубодробительное падение, которое вернуло Мишу за рыночный прилавок. Но товарищ Сян – человек необъятного жизнелюбия и платоновского оптимизма – не стал унывать, а начал все с чистого листа. И, черт возьми, снова достиг успеха!

Тут на сцену вышла знойная и хваткая выпускница факультета русского языка Муданцзянского университета Таня (Тан Цзинь), приехавшая в Иркутск за работой и красивой жизнью. Два блудных китайских отпрыска столкнулись, что поначалу вылилось в плодотворное сотрудничество, а после и свадьбу. Здесь бы и поставить жирную точку, но с приходом миллениума дела у наших героев окончательно расстроились. И они приняли решение бежать обратно на родину – на этот раз в южную ее часть, город Гуанчжоу. Миша устроился разнорабочим, а Таня принялась ловить рюске челноков и продавать им все тот же до боли знакомый, незатейливый китайский скарб. Понемногу клиентура росла, и чета мужественно зарегистрировала транснациональную корпорацию «О...» – пока в полуподвальном помещении за чертой города.

И наконец, произошло самое забавное: с трапа самолета Киев – Гонконг сошел улыбчивый одесский бизнесмен с большой дороги Антоха. Он двигался по рынкам электроники Гуанчжоу и прикупил там ровно ТЫСЯЧУ мобильных телефонов, которые и отправил своим друзьям в Украину.

Из всей тысячи работающих оказалось только... ДВА! Антоха схватился за голову. Надо отметить, что в начале нулевых Китай представлял собой довольно дикое место: по-английски никто не говорил (включая Антоху), зато при виде иностранца на улицах улюлюкали, показывали пальцем и здоровались все от мала до велика. Пантагрюэлистическая культура тоже пребывала на высоте: все пердели, рыгали, плевались, смеялись и вообще развлекались как могли, – одним словом, торжествовал бардак. В таких невыносимых условиях предъявлять претензии о ДЕВЯТИСОТ ДЕВЯНОСТА ВОСЬМИ неработающих телефонах оказалось выше Антохи-

ных сил, поэтому он решил найти русско-китайского интерпретатора – хотя бы для того, чтобы объяснить своим незадачливым поставщикам, что они гомосеки в плохом смысле слова.

Так состоялось судьбоносное знакомство Антохи с Мишей Сян и Таней Цзинь, которые помогли ему материально, морально и в довесок предложили работать вместе. А потом кто-то из далеких украинских товарищей Антохи решил купить в астрономических количествах китайскую фурнитуру для мебели, и все завертелось.

Вот так одесский парень приехал в Китай на недельку за телефонами и экзотикой, а остался на долгие годы – бизнес оказался нажористым. Сейчас все трое чувствуют себя хорошо. Антоха увлекается машинами класса люкс, кулинарией и компьютерными играми, Миша – женщинами и мыслями, как все лучше обустроить, а Таня – круглосуточной работой и детьми, младшие из которых ходят в школу в Гонконге, а старшая изучает литературу в Англии. Компания «О...» (не лишенная здравого раздолбайства) пока на плаву, и я сейчас сижу в офисе, немного растрепанный и помятый. Вот такая история!

С приветом, сын!

Точку в истории, понятное дело, ставить рано. Сорокалетние миллионеры могут не единойжды разориться, но, будьте уверены, наподобие отброшенных с арены бультерьеров, вновь ринутся в бой. Ведь кроме характера, исполинской работоспособности и железных нервов они обладают одним из ценнейших качеств – вписываться в жесткую бизнес-систему, по лекалам которой безукоризненно скроены.

К счастью или на беду, не всем эта портняжная процедура подходит.

Анна Шахова

Глава первая

Подарок судьбы

Лето перевалило на вторую половину – время, когда в городе иссохших тополей и палевых газонов жители понуждали себя с трудом дышать, двигаться и мыслить. Сонная одурь разливалась в сверкающем пространстве: пафос света и пекла, как любой затянувшийся праздник, превратился в утомительную горячку с похмельным, сухим послевкусием. Ни островки запыленных парков, ни раскаленные фонтанчики, ни климат-контроли лимузинов, ни кондиционеры, роняющие бессильные слезы на отмостки домов, не спасали от вязкого жара. Ртуть, втиснутая в стеклянные трубки термометров подскочившим кровавым столбом, вопила: тридцать три градуса в тени! Это в средней-то полосе! В Москве!.. И даже лазуритовые ночи не сулили долгожданной передышки: распахнутые в ночь створки окон замирали молящими, но отвергнутыми руками. Спасаться приходилось бегством: к морю – с его бризом и влагой или в гущу леса – в хвойный сумрак.

Новенький мини-отель «Под ивой» расположился в подбрюшье такого леса. Замечательным местоположение сего заведения делала и близость Москвы-реки: прежний хозяин позаботился об огороженном, крохотном, но личном кусочке пляжа. Нынешние владельцы – молодая супружеская чета – не могли привыкнуть к свалившемуся на них счастью. Дело в том, что трехэтажный бревенчатый дом с двенадцатью спальнями, гостиной с камином, добротной кухней и террасой, увитой актинидией, достался скромным московским служащим чудесным образом. В марте раздался телефонный звонок.

– Могу я услышать Василия Ивановича Говоруна или Дарью Александровну Орлик? – Вкрадчивый баритон сочился народным маслом: бесценным и благодатным.

– Да, я у телефона, – напряглась Даша.

– С вами говорит доверенный Марка Ивановича Говоруна – Роман Романович Костянский. Вы, быть может, слышали, что сводный брат вашего мужа... скончался. – Масло приправилось уместной горчинкой. – И он оставил вашему супругу небольшую часть своего бизнеса. Мини-отель в Подмосковье. Прелестное место. Прелестное... Бизнес молодой, едва налаженный, но к нему вам причитается некоторая сумма, которая позволит раскрутить проект.

Неожиданно голос говорящего поскучнел:

– Если, конечно, вы не захотите отель продать... Желающих на сей лакомый кусок полно, уверяю вас...

Даша чуть не вскрикнула:

«Да какой бизнес?! Мы получку распределить на месяц не в состоянии...»

Но благоразумно промолчала, представив ошеломленное, сияющее лицо своего мужа при таком фантастическом известии.

– А почему э-э... Марк Иванович оставил Василию бизнес? Они ведь даже не знакомы.

– Вот это и мучило Марка Ивановича последние годы! Матушка его не хотела соединения братьев. Что, некоторым образом, жестоко. Несправедливо. Согласны?

– Д-да... – Даша не припоминала, чтобы Василий сокрушался об отсутствии в своей жизни какого бы то ни было брата. Он привык быть первым, главным и единственным.

– Что ж, Дарья Александровна, давайте встречаться. – В голосе собеседника зазвучали торжественные нотки.

И достопамятная встреча, после которой супруги стали обладателями райского уголка Подмосковья, состоялась. До этого момента они знали о Васином брате лишь то, что он родился за тридцать лет до младшего Говоруна и в начале девяностых эмигрировал за границу. Но, оказывается, Марк Иванович давно вернулся в Россию и наладил серьезный гостиничный бизнес.

Мини-отель «Под ивой» был сущей безделицей – всего лишь милым капризом бизнесмена. Поначалу он предназначался для летнего проживания самого предпринимателя, но супруга его не жаловала родные просторы, поэтому небольшой дом расширили, снабдили всем необходимым для отеля, и в прошлом году он впервые принял постояльцев – в основном друзей коммерсанта. А спустя полгода Марк Иванович умер, успев оставить подробные распоряжения относительно своего имущества. Оказалось, что он-то всегда следил за судьбой сводного брата...

Юная Марья Петровна, прелестница из Твери, познакомилась с будущим мужем – решительным, порывистым Иваном Ивановичем Говоруном – около ГУМа. Экскурсия в столицу заканчивалась, и, провожая новую знакомую в родной город, немолодой, но импозантный Иван Иванович предложил синеглазке с осиной талией руку и сердце, запрыгивая за ней в вагон. Из вагона его выпроводили – но не раньше, чем он услышал растерянное «Да».

Говорун женился на Васиной матери в возрасте пятидесяти шести лет. А через десять – почил, оставив молодую супругу-машинистку с восьмилетним сыном в коммунальной квартире. От первой своей жены Иван Иванович ушел, оставив ей кооперативную квартиру, с одним дерматиновым чемоданом: две сорочки да три пары белья. Похоронив мужа, Марья Петровна стучала на своей машинке, а позже – на компьютере до артрозных судорог в пальцах, но вывела Васю в люди! Он закончил престижный технический вуз, начал работать инженером на огромном предприятии, которое реанимировали после упадочных девяностых, женился. И все бы могло считаться более-менее благополучным в его жизни, если бы... не телепрограмма «Ищу вторую половину». Около года назад, ужиная покупными пельменями, из которых жена Даша умудрялась варганить супчик, сдобренный специями, он поперхнулся, услышав фразу безапелляционной ведущей:

– И что же, молодой человек, кроме оклада в семьдесят пять тысяч у вас никаких заработков больше нет? А на что же вы семью собираетесь содержать?

Две другие тетки-соведущие согласно закивали, будто подкидывая дровишек в печку, на которой румянился и, кажется, уже пускал пар потенциальный жених.

Вася стукнул жирной ложкой по столу, оставив на белой салфеточке, которую опрометчиво постелила сегодня жена, жирное розовое пятно.

– Вот интересно, разбил сейчас дядя Витя из Твери телевизор или пожалел ублюдочный экран? У него оклад семнадцать восемьсот плюс тринадцатая! Для кого эти передачи делаются, Даш?! Для Сергея Зверева с Михаилом Прохоровым?

– Ну, эти-то навряд ли ищут вторую половину, – буркнула Даша, убирая со стола пустую тарелку.

– А какая?! Какая зарплата сейчас в России может считаться нормальной? Вот чтобы семью кормить и детей заводить? Хотя бы двоих? – Вася был очень темпераментен. В отца. И говорлив. Видно, в их роду испокон веков оберегали корневую черту, отразившуюся в фамилии.

– Васюнь, я не знаю... Нам хватает, и ладно.

Даша выключила телевизор и стала организовывать чайный стол.

– А что ты меня жалеешь?! Посмотри на свои джинсы! Третий год не снимаешь. Так... – Вася оттолкнулся от стола и начал покачиваться на стуле, взнуздывая его на две ножки (чего терпеть не могла Даша, но смиренно терпела). – Машины нет! Квартира твоей бабки... Счета в банке нет! И зарплата у меня со всеми надбавками... ты сама знаешь какая. – Вася поочередно выбрасывал пальцы правой руки, будто вел отсчет до пуска ядерной боеголовки.

– Обычная, Вась. Скоро тебя сделают заведомом, и будет во-он сколько!

– А сколько, Даш, будет? Пятьдесят?! – Вася встал, отшвырнув стул, и завертелся на месте: маленькая кухонька не давала возможности маневрировать. – Да мы никогда в Испанию

не слетаем! Хоть трижды меня заведомо сделают. А если кто-то из нас заболеет? Раком? А?! На что в Германии лечиться-то будем? Я уж не говорю о тратах на ребенка. Он ведь тоже может в любой момент... выскочить. Ребенок-то... – Вася дернул опасливо рукой, будто потенциальный ребенок стоял в одном ряду с грабителями, выскакивающими из подворотни.

Даша выложила на тарелочку несколько кусков лимонного пирога, который опасалась подавать целиком – Вася не замечал, как съедал все до крошки.

– Васюнь, ну что за фантазии? При чем тут лечение в Германии, отдых в Испании. На отдых, кстати, можно мою зарплату откладывать.

– Ага! До Второго пришествия мы твою мульти-пультишную зарплату будем откладывать.

Даша рисовала мультфильмы. Благо в последние годы анимация в России возродилась, и теперь Даше находилась работа не только по рисовке носов и бровей. Она даже разработала целый образ героя второго плана – строптивного петуха.

– Ну почему, – приуныла жена. – За год вполне можно скопить.

Муж с досадой махнул рукой и придвинул стул. Брякнувшись на него, он схватил кусок пирога, который стал молниеносно исчезать в скорбно вращающемся Васином рту.

Видно, именно тогда в голове Говоруна и засела эта навязчивая идея – заняться «как все люди бизнесом». Раньше она посещала инженера лишь в виде отвлеченной, безжизненной теории. Отныне он всерьез вознамерился претворить ее в жизнь.

– Димка возит из Китая пластмассу. Смотри! – кричал он жене, заставляя ее усаживаться напротив и наблюдать за движением ручки по листу. – Вот столько он платит таможене. Столько – закупка. Это – транспорт. Это – налоговая хрень... А вот это цена! Конечная. Ты видишь?! – взвизгивая, он тыкал ручкой в цифры. – Триста процентов навар! Я смотрел каталоги – к лету можно по-настоящему подняться на продаже пластиковой мебели!

Через пару недель мебель сменяли канцтовары. Потом – проекты о кредите на собственное производство древесины. Далее – кожа, лицензия на золото, полиграфические услуги, сувениры...

Вася чах, не спал ночами, высчитывал прибыли и риски, висел на телефоне, бегал на какие-то «серьезные встречи», опустошив материну пенсионную записку, дабы приодеться и обзавестись атрибутами «делового человека» – навороченный телефон, портфель, ручка, пальто. На часах закончились материны «гробовые», и Вася приуныл. Портфель пылился в прихожей, ручка сохла внутри портфеля, а бизнес – паскуда! – и не думал материализовываться.

Говорун чуть не вылетел с работы за прогулы и попал с язвой в больницу. Российскую. В которой его отличным образом подняли на ноги.

Даша убрала портфель на антресоли, а пальто в шкаф с лавандовыми отдушками против моли: благо наступала зима и супруги перешли на китайские пуховики.

А в марте раздался звонок Романа Романовича Костянского.

– Ну, давай уже, не стесняйся, Лёва, давай свой шедевр. – Василий вырвал листок из рук смущенно поникшего Льва Гулькина.

Хозяин и подчиненный являли собой разительный контраст. Молодой Говорун был курнос, статен, светловолос (правда, в последнее время сказалась наследственность – Вася начал лысеть с макушки).

Пятидесятипятилетний Лев Гулькин – мастер на все руки, живший неподалеку от отеля, еще в прошлом году подражал служить Говорунам, занимаясь всем понемногу: электрикой, доставкой продуктов, отделкой бани, – выглядел со своим крючковатым носом и копной черных артистических кудрей человеком творческим. Что ж, таким он и родился: художником. Если бы не фатальное невезение. До тридцати лет Гулькин ежегодно поступал на актерский,

пока не уgomонился в районном театре самодеятельности. Кроме того, он виртуозно владел четырьмя аккордами на шестиструнной гитаре, писал стихи и прозу, которой забрасывал издательства, а также разводил цесарок (птицы периодически дохли сплошняком, но Лева с упорством истинного заводчика покупал новое поголовье). Услышав, как хозяева обсуждают наполнение сайта, который становился экстренно необходим для успешного развития бизнеса, Лева всю ночь писал рекламный текст главной страницы. Он, кстати, рассчитывал, что Василий Иванович оценит и его фотографический талант, разместив Левины фото отеля и местных красот в Интернете.

Василий пробежал глазами цветистый текст, нахмурился и решительно сел в плетеное кресло: вчитываться. В этот момент на террасе появилась одна из отдыхающих – Зульфия Абашева, представлявшаяся всем без исключения как Зуля. Несмотря на взятый недавно сорокалетний рубеж, выглядела Зуля сногшибательно: высокая, гибкая, с ярким хищным лицом. Абашева принадлежала к редкой породе людей, за которыми хочется наблюдать. Киноактеры этого разряда могут не читать монологов Настасьи Филипповны или Ричарда Третьего – им достаточно отрешенно смотреть в пространство, касаться рукой лба, класть ногу на ногу, дежурно улыбаться – за ними будут следить с неослабевающим вниманием. Возможно, это и есть проявление истинной харизмы?

Харизматичная Зуля явилась с пляжа в розовом парео с видневшимся под ним купальником из тесемочек.

– Чудесная вода! Никогда бы не подумала, что в Подмоскoвье можно получать удовольствие от купания. Только течение все портит. Боюсь далеко заплывать.

Осознав, что звук ее чувственного голоса не привлекает внимания, Зуля уселась в кресло, вытянув длинные ноги, на которые с опаской уставился Гулькин. Он стоял, ссутулившись, у кресла хозяина.

– Что за роковое послание? – обратилась Зуля к Говоруну.

– Да вот сайт разрабатываем. Текст вроде неплохой, – вздохнул Василий.

– Дайте-ка. – Зуля бесцеремонно выдернула бумагу из Васиных рук.

– Я как-никак профессиональный редактор.

Абашева, несмотря на фривольный вид отдыхающей, находилась на работе. Она приехала с народным артистом России, стареющим плейбоем Глебом Архиповичем Федотовым. В прошлом году он не смог откликнуться на приглашение своего старого знакомого Марка Говоруна, но сейчас актер работал над книгой воспоминаний и решил, что лучшего места для уединения на природе не найти. Убедившись, что сам он до обидного бестолково формулирует мысли на бумаге, Федотов нанял литературного обработчика – Зульфию Абашеву, которая некогда помогала с книгой его коллеге – ныне покойной приме одного из академических театров.

Как правило, Глеб Архипович наговаривал воспоминания на диктофон, но иногда Зуля записывала за ним с лету, по телефону – подчас смешные и грустные случаи вспоминались любимцу публики в непредвиденных обстоятельствах: с похмелья на рассвете, при посещении парикмахера, в самый драматичный момент при просмотре кинофильма. Так, умирающая от пули фашиста героиня советской драмы вдруг навела Федотову воспоминания о спасенном им от рогатки коте. Эпизод с милосердным пионером Глебушкой получился очень жалостливым. Правда, узнавая Федотова ближе, Зуля начала подозревать, что не Глебушка, а ОТ Глебушки спасали кота: Федотов терпеть не мог хвостатую живность.

Абашева мгновенно прочла литературный перл Гулькина:

«Каждый из нас старается поймать фортуна за хвост! День и ночь мы слышим лихорадочный топот мириады ног – все спешат, все втянуты в безудержную гонку, все выбиваются из сил, у всех трясутся руки, дрожат коленки, бешено стучит сердце и томится душа – ведь успех, маячащий на горизонте, по-прежнему далёк... А счастье от нас ускользает...

Пожалуйста, остановитесь на минуту, отдохните, посмотрите на себя, взгляните в тех суматошных людей, которые, суетясь, спотыкаясь и падая, проносятся мимо Вас по большой дороге жизни.

Так, может быть, счастье – это задумчивое личико, нежная ручка, подпирающая подбородок, пара нежных, затуманенных слезами глаз, обращённых в прошлое, смутно темнеющих в ночи тенистой аллеи Времени?

Вопрос только, где это прошлое, где эта тенистая аллея Времени? Да, всё правильно! Запоминайте адрес:... Именно здесь, стоя в тиши под мерцающим куполом неба, Вы поймёте, что человек достоин большего, чем даёт ему его жизнь».

Зуля помахала листком:

– И кто создал сей говносиropный опус? «Трясутся руки», «томится душа», «затуманенные глаза, обращенные в прошлое», «аллея времени»... Жуть с рогами! Если бы я узнала, что отелем заправляют... чудаки с претензией на творческий поиск, ни за что не поехала бы.

– Ну, а что бы написали вы? – выпалил бордовый от смущения Вася.

Зуля погладила накладным синим ногтем пухлую нижнюю губку – излюбленный ее жест. После чего непрерываемо ткнула перстом в бумажку.

– Я бы вместо невразумительного бреда про купол неба указала на отличный спуск к реке и рыбалку, наличие настольного тенниса, бильярда и русской бани. Вместо аллеи посулила прогулку по девственному лесу. И главное – упирала на тишину и малолюдность. Десяток постояльцев – это вам не восьмизэтажный отель с дискотекой. Ну, шеф-повара своего легендарного приплетите. И баста! Свою целевую аудиторию вы уже схватили. И еще. «Топот мириады ног» – это перебор даже для местного графомана.

Зульфия царственно скривилась – даже улыбку на этих инфузорий ей тратить не хотелось, и, поднявшись, прошествовала в дом.

– Василий Иванович! Так я и хотел после этого вступления! После затравки, так сказать, и обрисовать красоты поконкретнее, – залепетал Лева, всем видом своим символизируя фразу о «художнике, которого обидеть может каждый!».

Вася, ставший из бордового лиловым, ткнул в Гулькина листком с «затравкой»:

– Поконкретнее, пожалуйста.

И в крайнем раздражении сбежал с террасы. Василий видел, что жена вздумала перед самым «файв-о-клоком» отправиться в лес. С подозрительно большой сумкой. Уж не рисовать ли? Вопиющий наплевизм!

Новые хозяева учредили в отеле «семейное» чаепитие в семнадцать часов на террасе. Инициатором выступил креативный Василий. Он сам растапливал шишками ведерный самовар, купленный по дешевке у бабки на трассе.

Даша, конечно, покорила: надевала белоснежную наколку, крахмальный фартучек и женственное платье стиля «ню-лук»: утянутая талия, пышная юбка, легкий верх. Стройной Даше платье шло. Но столь призывный, обтягивающий силуэт был непривычен для двадцатипятилетней женщины, предпочитавшей джинсы и ветровки. И эта роль официантки... Нет, конечно, она выглядела гостеприимной рачительной хозяйкой, и ревность за новое дело с каждым днем разгоралась, даже появлялся азарт, сноровка. Но сколько же это отнимало сил, нервов, времени! Даша рабски уставала. И ночами, лежа без сна, увещевала себя тем, что люди дёла и должны уставать, чтобы добиться результата.

– Даша, это наша работа, жизнь! – тряс Василий руками перед женой, когда она готовилась к выходу к гостям, как на эшафот. – Все изменилось – ты должна стать бизнес-леди. Понимаешь? Как это здорово! Самостоятельность, новые знакомства, прибыли. Эх, Дашка! – Василий в экстазе кидался на кровать, закидывал мечтательно руки за голову, и жест этот навевал Даше воспоминания о советских фильмах, где положительные герои сплошь романтики и

энтузиасты. – Как представлю, что это может быть началом большого пути, – голова кругом! Сеть отелей в Подмоскowie, на Кавказе... Для начала. Потом – на разведку в Европу.

– Хорошо бы окупить этот сезон, – вздыхала Даша, которую Говорун заставлял вести ежедневную бухгалтерию. Траты нарастали, как снежный ком, а финансовая «подпитка», оставленная покойным благодетелем, стремительно таяла. Цены же за проживание супруги твердо решили держать пока на демократичном уровне – необходимо было завлекать клиентуру. А завлекалась она со скрипом: два-три номера все время пустовали.

Говорун решил пробежаться к лесу, на поляну с островками васильков, которые покоя, видите ли, не давали его супруге «ван-гоговским оттенком». С ума сойти! Василий шел, широко размахивая руками и шурясь от палящего солнца. Жару он терпеть не мог, и эта горячая, истеричная погоня за несознательной женой, будто за нашкодившей кошкой, бесила его и отнимала остатки сил, которых и так не хватало на чертову пропасть гостиничных дел. Говорун по привычке бормотал себе под нос:

– Какой вменяемый человек променяет серьезное, настоящее дело, приносящее доход, на рисование за бесценок тысяч примитивных картинок? Лягушки, грибочки... Тьфу!! Нет, в свободное время для души ковыряйся хоть со всеми оттенками мира! А по уму, для дела на курсы бухгалтеров беги, чтобы наконец всерьез помогать мужу в финансовых вопросах. Нет! Она снова с холстом на пленэр шмыгнуть норовит.

Василий дернул травинку – хотел сунуть сладкий стебель в рот, но лишь полоснул острым листом по пальцу, обрезался и в бешенстве дернул рукой.

Все семейство Орлик было не от мира сего, что безумно раздражало Василия. Тесть преподавал черчение и рисование в школе. Это после архитектурного института! Ему даже в голову не приходило устроиться в перестроечные годы в дизайнерскую или строительную контору. «Трусость! Трусость и инертность!» – выносил свой вердикт Говорун. Даша лишь пожимала плечом: «Свобода и покой ему дороже».

Теща тоже занималась «любимым делом» – шила кукол. «До пятидесяти лет все наиграться в пупсиков и фей не может! Нет чтобы свое экскурсионное бюро организовать, будучи профессиональным гидом со знанием немецкого! Так нет – для нее важнее покой, творчество, призвание. Какие-то картонные слова из зачитанной книжки для оправдания бесхребетной, рафинированной жизни!» – вел бесконечный внутренний спор с женой Говорун.

Порой казалось, что взбешенный Василий готов разорвать всяческие отношения с безалаберной Дашей. Но это был традиционный ритуал выпуска пара. Таким уж уродился Говорун: классическим делателем слонов из мух, неисправимым холериком. Близкие с его словесными извержениями смирились. «Ну, характер... Что ж теперь? Зато он Дашу любит», – вздыхали старшие Орлики.

Василий полюбил Дарью с первого взгляда. Она стояла на пыльной Ордынке, перегородив мольбертом узкий тротуар, и, не замечая натывавшихся на нее пешеходов, рисовала храм «Всех скорбящих Радость». Гладкие темные волосы до плеч, узкий нос, небольшие карие глаза – задумчивые, сосредоточенные на своем, всегда сосредоточенные на своем! Мягкая линия губ, длинные руки. И вся она – в простеньких джинсах и футболке – устремленная ввысь, тонкая, без тени вычурности и позерства. Художница водила грифелем, будто совершала колдовские пассы: казалось, подвижные пальцы летали над листом, и на бумаге волшебным образом проступало изображение. Ощущение волшебства и загадки оставалось рядом с Дашей всегда. Иногда Говорун просыпался от безотчетного страха, что жена исчезла. Как эльф, подхваченный лунным светом из окна.

Дарья тоже полюбила Василия сразу, безоговорочно и глубоко. Так бывает: один взгляд – и ты принимаешь человека целиком. С его манерой шурить глаза, вечно что-то доказывать, с ужасной привычкой барабанить пальцами по столу и качаться на стуле, с его смехом взхлеб, нежностью и фантазиями. «Ты МОЙ родной человек», – говорила Даша мужу, когда он с извеч-

ной мнительностью спрашивал, что она могла найти в «задрипанном инженере». Они были бесконечно разными. И бесконечно близкими: сужеными, назначенными друг другу судьбой.

Подбежав к жене, поглощенной смешением красок на палитре, Василий уже истратил запас суточного гнева. Посапывая, он уткнулся подбородком в Дашино плечо:

– Ну, получается?

– Это может примирить со всем, что происходит вокруг, – вздохнула Даша и, сдвинув широкополую панаму на затылок, опустила на траву. Муж сел рядом и обнял ее.

Покой и радостная, жизнеутверждающая красота сине-зеленого пространства – васильковой поляны, клином разрезавшей темную громаду леса, вдруг отозвалась в душе Говоруна воспоминанием о белом солнце из детства. Они с мамой ездили летом в деревню, и путь до бабьего дома шел через поле, изнемогавшее от жара, залитое светом. Упругие колосья выступали сомкнутыми рядами стражей: Васе казалось, что под такой защитой все в его маленькой жизни идет правильным, надежным путем. «Всё путём!» – встречал их пьяненький дед и, наклонившись к внуку, колот его щеку репьем своей, небритой...

– Василий на васильковой поляне. Просто символ какой-то. Знак. – Даша поудобнее устроилась в мужниных руках. – Тебе нравится? – она подбородком показала на картину, где из сонма хаотичных точек проступала гладь травы и цветов.

– Да не то слово! Ван Гог и не снилось, – хмыкнул Василий и поднялся вслед за женой, которая, посмотрев на часы, вспорхнула и начала торопливо собирать художнический скарб.

Жара не располагала даже здесь, «Под ивой», к активным передвижениям в разгар дня – все предпочитали отдавать дань Морфею. После четырех начиналось легкое оживление: кто-то выходил в холл купить газировки, кто-то распахивал окно, выключая кондиционер и пуская живой воздух, кто-то курил на балкончике, любуясь серебряной листвой огромной ивы, растущей с северной стороны дома. Потом раздавались смешки, громкие голоса, топот на лестнице – и к пяти гости сходились, нарядные и румяные после сна, на террасе.

Сегодня первой свое место за столом заняла дальняя родственница Даши – Лика Травина: толстенькая улыбчивая женщина без возраста, преданная «нарядной» одежде с люрексом и детскому крему как универсальному косметическому средству. Тонкие соломенные волосы она стригла под «гарсон», который немилосердно подчеркивал ее круглые щеки. Даша пообещала ей проживание за полцены и теперь с ужасом считала дни до отъезда Лики, когда откроется правда: с гостями рассчитывался ТОЛЬКО муж. Лика принарядилась в кумачовую футболку с блестящей пандой на груди. Зуля, выйдя на террасу и уставившись на объемный бюст Травиной, аж поперхнулась, приветствуя ее.

– Вы, Зуленька, как всегда, неотразимы! – расплылась в бесхитростной улыбке Лика. Зуля вымучила крокодилий оскал и уселась, сверкая загорелыми плечами. Она была в донельзя открытом сарафанчике лососевого цвета. Копну каштановых кудрей Абашева собрала высоко на затылке. Расположившийся напротив редакторши Степан Никитич Бултыхов глаз не мог оторвать от ее лебединой шеи.

Описать внешность самого Степана Никитича представлялось большой проблемой. Он был классически невзрачен: ни толст ни тонок, ни стар ни молод, русский, с простоватым лицом и серыми глазами, а довершали невзрачный образ бесформенные усики. Приехал по рекомендации то ли соседа, то ли приятеля покойного хозяина. Он так мало и невразумительно говорил, что Василий отказался от идеи завести дружески-деловые связи с этим бирюком. Приехал сам – и ладно. Чем занимался Бултыхов, также оставалось загадкой. В течение недели, что Степан Никитич проживал в отеле, он с рассветом уходил на рыбалку – незначительный улов торжественно вручал местному приبلудному коту, а после сидел с газетами на террасе, потягивая мятный настой. К спорту, прогулкам и купанию Бултыхов не проявлял ни малейшего интереса.

– Дашенька, мне бы, как всегда, кофейку, – голосом капризного ребенка обратилась Абашева к хозяйке, расставляющей вазочки с печеньем и кексами на столе.

– Хотя бы раз попробуйте наши травяные чаи, Зуленька, – сказал Василий, водружая с превеликой осторожностью устрашающий самовар на стол.

Зуля в ответ скривилась:

– Все они для меня на один вкус: крапива крапивой. Нет-нет, и не пытайтесь сделать из кофеманки чаеманку. Это также бессмысленно, как делать из кошатника собачника.

– А вы сами, конечно же, кошатница, – пробурчал Бултыхов в усы.

И страшно смутился, натолкнувшись на колючий взгляд.

– Отчего же? Собачница. У меня французский бульдог Кузя. Жуткий храпун и пердун.

– Какая прелесть! – хлопнула пухлыми ладошками Лика. – На кого же вы его оставили?

Зуля оставила вопрос Травиной без ответа, беря из рук Даши свой «американо». На приготовление кофе, как и вообще на кухню в этом смехотворном обиталище, Абашева пожаловаться не могла. И где только эти супруги-дилетанты раздобыли такого повара?

– Лёвочка Зиновьевич! Идите к нам! – крикнула Лика, взмахнув рукой.

От входа, мимо теннисного стола, к дому шел Гулькин с тюками в руках.

Даша сделала мужу «страшные» глаза. Вася категорически запрещал прислуге болтаться около гостей. Хозяйка умолила сделать для Гулькина исключение, когда речь шла о Лике. Тут явно вырисовывалось что-то романтическое с явной перспективой на дальнейшие отношения.

– Вечер добрый, господа! – почтительно поприветствовал всех, склонив голову, Гулькин и, послав ослепительную улыбку Лике, прошествовал к черному ходу, где его уже встречала хмурая, но исполнительная горничная Ида: она с утра ждала чистое белье из прачечной. Только творческий Лева в заботах о создании креативного сайта совсем позабыл о простынях и полотенцах.

Надсадный баритон заставил постояльцев вздрогнуть. Герой-любовник Федотов не мог эффектно не обставить свой выход к собравшимся. На этот раз он прибегнул к арии Германа из «Пиковой дамы». Народный артист вплыл на террасу в сопровождении пожилой отдыхающей – ярко накрашенной, очень продуманно одетой и поддерживающей безупречный маникюр Адели Вениаминовны Пролетарской. Главной заботой старушки, пекущейся о внешних приличиях и сохранении себя в форме, была маскировка устрашающего второго подбородка. Сегодня Адель Вениаминовна накрутила на шею лиловый шелковый платочек, в тон юбке и аметистовым серьгам.

– «Что наша жизнь? Игра!» – Глеб Архипович обрушил последнее слово с такой силой на голову семенящей рядом с ним Адели Вениаминовны, что та споткнулась, но, подыгрывая милому ребячеству актер актерыча, очаровательно рассмеялась. Спускаясь по лестнице, эти двое успели поспорить.

– Нет-нет, Адель Константиновна, тут вы меня не убедите никогда. Любой, я подчеркиваю, любой человек играет роль. Находится в образе. Причем в каждую конкретную минуту – в определенном, заданном предлагаемыми обстоятельствами.

Сухоощавый, высокий и все еще замечательно красивый Глеб Архипович галантно выдвинул стул перед Пролетарской.

– Благодарю, Глеб Архипович, но вы можете взглянуть на меня и удостовериться в исключении из вашего правила. Я всегда едина. Никогда и ни для кого роли играть не буду. И умудрилась не делать этого даже в цековские времена.

– Ну, не знаю, не знаю. Кстати, исключение ведь подтверждает правило. О, благодарю, Дашенька. – Актер принял из рук хозяйки чашку, пригубил напиток и остался необычайно доволен им. – Что это? Смородиновые нотки... чудесно. И клубника. Определенно клубника!

– Роли-то вы все еще играете, а вот имена персонажей напрочь забываете. Отчество Адели Вениаминовны – Вениаминовна! По буквам повторить? – Зуля затянулась духовитой розовой сигареткой.

Панибратский тон как-то естественно сложился между литераторшей и актером. Глеба Архиповича нагловатость безвестной редакторши лишь веселила. Ему вообще очень нравилась эта «горячая штучка».

– Ах, Зулечка, у нас, актеров, вообще никаких отчеств не существует. Все это незначительно. Правда, Адель Валентиновна?

– У, проказник! Ну, держитесь, – кокетливо погрозила пальчиком в пигментных пятнышках Пролетарская.

– Вы лучше скажите мне – откуда у вас такая фамилия? Псевдоним? – поинтересовался Федотов, прихлебывая чай.

Вдова вздохнула:

– Увы, нет. Родители мужа дали моему Марлену не только соответствующее имя, но и придумали фамилию.

Глеб Архипович расхохотался.

– А вы знаете, что бывают такие непридуманные фамилии, которые похлеще любых придуманных? – оживился вдруг бирюк Бултыхов.

– Вы о себе? – поддела его Зуля.

– Ну, я в сравнение не иду с одним моим сослуживцем. Вот у него фамилия так фамилия. Передистый! Полковник Передистый, представляете?

– Да уж... – погладила пальчиком губку Зульфия, критически рассматривая раскрасневшего Степана Никитича, которому с трудом давались потуги рассмешить аудиторию.

– Но дело не в полковнике, а в его жене. Она звалась Передистой ровно один год. Больше не выдержала! Потом вернула девичью – Зоб! – Бултыхов тоненько захихикал, а Адель Вениаминовна поджала накрашенные губки, стукнув чашкой о блюдечко, и поправила на шее платочек.

– Свежайшие пирожки! Свежайшие пирожки от нашего дорогого Феликса Николаевича! – разрядила обстановку Даша, неся высоко над головой блюдо с искусительно пахнущей сдобой.

– Плакали мои диеты, – обреченно вздохнула Зуля и первой схватила с блюда слоечку.

– А ну, Зулька, «положь взад»! – хриплый мужской голос раздался от ворот.

Оцепенев, все уставились на наглого мужика – коротко стриженного, вальяжного здоровяка в шортах и темных очках, с дорожной сумкой на плече. Он мог бы стать зримым воплощением понятия «бесцеремонность».

Однако Зуля, бросив пирожок, вскочила и бросилась ему навстречу с воплем:

– Эдичка-а-а!

Она повисла на шее расплывшегося в улыбке знакомого.

– Прошу любить и жаловать – Кудышкин Эдуард. Тележурналист и мой хороший друг. – Зульфия за руку привела на террасу нового гостя.

Эдуард в ответ облапил собственнически Зулю за бедро и поцеловал «хорошего друга» в плечо, отчего редакторша затрепетала. Похоже, в ближайший вечер и ночь народному артисту придется довольствоваться обществом диктофона.

– Милости просим! Разрешите представиться – Василий Говорун. Очень рады приезду в наши благословенные края. Будьте как дома. – Хозяин с чувством тряс вялую руку потенциального отдыхающего.

– Зулечка, вы не предупреждали меня о возможных визитах ваших друзей. Я некоторым образом рассчитывал на ваше участие в моей судьбе нынешним вечером, – ласково, но с нескрываемой ревностью выступил Федотов.

– Ой, да ладно, Глеб Архипович, завтра все нагоню ударным трудом. Целый день буду стучать на ноутбуке. А сегодня пообщаюсь с другом. – Зуля коснулась ладонью щеки тележурналиста. И в этом едва уловимом жесте была и нежность, и еле сдерживаемая страсть.

– Может, чайку с дороги? – предложила робко Даша, которую Эдуард разглядывал поверх очков, не мигая.

– После! – Зуля схватила Кудышкина за руку и потянула в дом. – Ну, мы пока осмотримся тут...

И парочка стремительно исчезла.

«Только бы они не открывали окна», – взмолилась про себя Даша, вспоминая, что Зулина комната обращена к террасе. Да и вообще звукоизоляция в доме оставляла желать лучшего.

– Ну, такое время... – по-философски заметила Пролетарская, стряхивая крошки с пальчиков над блюдечком.

– Бросьте, Адель Серафимовна, ко мне тридцать пять лет назад девчонки в окна на четвертый этаж сочинской гостиницы лазали. Природа! Я за естественность и открытое, нелicenseмное выражение чувств, страстей. Это все бесценный опыт. Который лично мне всегда приходилось в профессии. Как и вообще любой опыт. Что давать ему оценку? Ну, было! Было! Препарируй, переплавь. Даже самое низменное, быть может, постыдное. Извлеки урок, в конце концов. Жизнь, дорогие мои, это цепь уроков. И мы все хорошие или плохие ученики. – Даше казалось, что Федотов произносит отрепетированный монолог. Актерствовал он, впрочем, мастерски, вдохновенно.

– И каким образом подобный опыт или урок может пригодиться шестнадцатилетней девчушке? Моя соседка по коммуналке – Машенька, в психушку попала после похода в горы с такими вот Эдуардами. – У воспитательницы детского сада Лики Травиной горело лицо.

– А вот это уж родители должны были регулировать. Пугать и запрещать! Объяснять, в конце концов. Иметь время и силы говорить, наставлять. Я с моим Лешенькой столько разговоров провела. Ежевечерне, с примерами, с разбором ситуаций. Воспитание – не только наука. Тут интуиция и терпение, конечно, нужны, – мяукала Пролетарская.

Кошачья манера произносить слова почему-то страшно раздражала Василия. Он, давший себе слово не вступать в беседы с гостями, если тебя не спрашивают, не удержался и буркнул:

– Подонков и насильников хватало во все времена. Каждого бояться – эдак и с печи нечего слезать. А объяснять надо – кто урод, а кто нормальный. Конечно... – Говорун с силой оторвал самовар от стола и потащил его в дом.

Адель Вениаминовна проводила его сочувственным взглядом и потихоньку обратилась с вопросом к Федотову. Компания распалась – «семейное» чаепитие подошло к концу.

Уязвленный бессердечием и распушенностью Абашевой, Степан Никитич отгородился ото всех газетой, Дарья убирала посуду, Лика прогуливалась по дорожке, поглядывая на черный ход: не покажется ли Лева. Пролетарская с Федотовым завели размеренную беседу об искусстве. И только в комнате на втором этаже «хорошие друзья» безумствовали. Впрочем, Даша могла не опасаться: зная темперамент любовницы, Кудышкин завязал ей на первое время рот полотенцем.

Вечер принес неожиданный «сюрприз», выбивший из колеи бестрепетную, как казалось, Зулю. Эдик вознамерился за ужином расположить к себе народного артиста. В корыстно-профессиональных целях. Тайн и скандальных историй за Федотовым тянулось много. А вот документального фильма, с покаянными слезами и «несвежим белишском» советского Казановы, не имелось. Кинолог из Мытищ Эдуард Кудышкин, бросив немодных питбулей, десять лет назад стал служить верой и правдой желтой прессе, а затем и телепрограмме «Звездная правда-кривда», выходящей в прайм-тайм на скандальном телеканале. Он и сам сделал вполне звезд-

ную карьеру и уже пожинал ее сладкие плоды: «Лексус», членство в элитном яхт-клубе и главное – крохотная квартира, но на Покровке!

– Ды ты просто мерзавец, Кудышкин! – расхохоталась Зуля, когда воркующая парочка покидала террасу: Глеб Архипович решил угостить журналиста в своем номере изысканным вином.

– Зуленька, не беспокойтесь за своего любимца. Верну в целости и сохранности. Беседа с молодым и неглупым представителем древней профессии – большая редкость. Просто подарок судьбы. Уж не лишайте вашего патрона маленькой, краткой радости.

Эдик же не стал тратить слов – он просто щелкнул Зулю по носу и поцеловал в запястье, схватив грубовато любовницу за руку. В ответ на дружеское подмаргивание «мерзавца» Абашева вскочила и, обращаясь к Даше, суеотящейся у стола, крикнула:

– Заткните вы эту слезливую Хьюстон!

Бесспорно, непревзойденная Уитни, вызывавшая на чувственный танец, оказалась сегодня ни при чем.

Литераторша надела к ужину темно-синее декольтированное платье из шелка, которое обтекало ее тело, придавая ему трогательную девическую округлость. Бултыхов не мог проглотить ни кусочка обожаемой им баранины – предпочитал пожирать глазами Абашеву, которая, пройдя мимо круглого столика с игравшими в скребл Ликой, Аделью Вениаминовной, Василием и Левой Гулькиным, сбежала с террасы и пошла к воротам. Зуля не обратила никакого внимания на порыв Бултыхова бежать за ней. Она не намеревалась снисходить до неуклюжих знаков внимания какого-то «капитана» – так почему-то Зульфия про себя его называла. И напрасно. Степан Никитич носил звание подполковника.

Народный артист занимал самый большой и комфортабельный номер: с плазменным телевизором на стене, отличным баром и двуспальной кроватью. Гость и хозяин расположились у журнального столика в высоких креслах. Эдик потягивал с хищной, но одновременно угодливой улыбкой коньяк, Федотов предпочитал красное вино. Он встряхивал седыми волосами и масляно улыбался гостю, пыхая сигарой. Кудышкин курил цветные Зулины сигаретки.

– А сюрприз, Эдвард, – вот он. – Глеб Архипович достал из ящика комода неказистую коробочку.

– Тра-авка, – захохотал Кудышкин, когда народный артист поддел костлявым пальцем крышку, под которой обнаружились простейшие самокрутки. – Да вы, похоже, привыкли отрываться по полной, Глеб Архипыч!

С восторженным недоумением Эдик взял из коробочки сигаретку и поднес ее к носу.

– Как бы на хохот гости не набежали.

– Ну, мы же в разумных пределах похулиганим. – Федотов вдруг резко встал с кресла и, подойдя к Кудышкину, погладил того по голове, тронул шею, проникновенно вглядываясь в глаза.

Телевизионщик перестал улыбаться, встряхнулся, загасил сигарету, а самокрутку вернул в коробочку.

– Не опасаетесь с таким багажом – и в общественных местах, под прицелом испытующих глаз? – заговорил он сухо.

Федотов, поскучив, вернулся в свое кресло.

– Не вздумайте, меня, мальчик, бояться. Я же не насильник и против природы никогда не иду. А травка... это спонтанный подарок. Здешнего поклонника. Да-да, даже здесь, представляете, нашелся верный и сообразительный человечек. Вообще я к этим изыскам не приучен. Но по натуре – великий экспериментатор и авантюрист. Чего только не приходилось испытывать в жизни! Так почему не попробовать и это? Сколько мне осталось. – Актер прочувствованно сглотнул, дернув острым кадыком.

– А вот это очень интересно. Ваш опыт... Я о программе, Глеб Архипыч. О возможной программе с вашим участием. Вы поймите, что для меня скандал – пустое. Главное – суть человека, его подлинное нутро. Я даю своим героям, которых искренне уважаю, высказаться сполна. На те темы, что волнуют их. – Журналист пытался быть по-настоящему искренним, задумчиво-серьезным.

Как правило, контраст, на котором он работал – этакий внешне нахальный пофигист с глубокой байронической душой, – срабатывал безотказно. Сколько «кривды» таким макаром вытянул Кудышкин из несчастных артистов – представить страшно. Но сегодня он лишь наталкивался на лукавый взгляд ушлого развратника.

– Да-да-да... Это после, после, Эдик. – Глеб Архипович поддел отточенным ногтем сигаретку, стал разминать ее и с вождением нюхать. – Расслабимся, мон ами. Вам еще с вампиршей татарского происхождения кувыраться. А это, я так чувствую, очень много сил отнимает. Да вы мне все после и расскажете. Правда? Я люблю, когда молодежь со мной откровенна. Будто соки свежие в тело вливаются. Ну, и многому можно у вас научиться. Бесспорно. Очевидно. Так что не только вы исповеди любите слушать, я их тоже в своем роде коллекционирую. – Артист ослепительно улыбнулся. Кудышкин не мог не оценить знаменитую, подкупающую улыбку мастера отрицательного обаяния.

Федотов решительно протянул самокрутку Кудышкину:

– Учите, сэнсэй.

– Да невелика наука.

Эдик начал раскуривать косячок.

Через пятнадцать минут новоявленные друзья позабыли о лукавых беседах с прицелом на извлечение выгоды. Эдик, приняв нелепую позу – ноги на подголовнике, голова на сиденье, расслабленно подхихикивал, наблюдая за перевернутой в его глазах фигурой Федотова, который заходил в конвульсивном танце. Народный артист скинул рубаху и выполнял странные женственные телодвижения: то поводил плечами и грудью, поросшими редким седым пухом, то тряс тощими бедрами, то, встав на мыски, будто пытался взлететь, размахивая длинными руками, которые уже потеряли упругость и болтали брылями обвислой кожи.

– Жаж! Жаж-хх! – заклинал пространство актер. И вдруг он стал задыхаться, вытаращив глаза. Схватившись за горло, налился синюшным румянцем, захрипел, повалился на колени с вылезающими из орбит глазами: считанные секунды – и тело Федотова забила судорога, а из мертвеющего рта полезла пена.

– Г-глепп Архиы... – Фаза возбуждения стремительно сменялась тяжелой оторопью и у Кудышкина. Ему потребовалось какое-то время, чтобы перевернуться в кресле, вдохнуть полной грудью и встать.

«Чертовщина... Что-то подмешано туда...» – это была последняя мысль Эдика, после которой журналист, почти ничего не видя, с заходящимся сердцем, успел рухнуть у окна, дернув створку и крикнув дикое:

– Бля-а-а-рва!..

Под окном, в сгущавшихся сумерках, загороженные кроной раскидистой ивы, стояли Лева и Лика, целомудренно держась за руки. Лева прервал на полуслове монолог о значении в его жизни поэзии Северянина, с испугом глянув на стукнувшее федотовское окно.

– Вот звезды, – укоризненно покачал он головой. – Интеллигентные, уважаемые люди, а напиваются, как недоросли на дискотеке.

– Послушайте, Лева, нужно подняться посмотреть. Мне кажется, что у Глеба Архиповича не все благополучно.

Лика решительно выдернула свою руку из ладоней Гулькина.

– Я должна сказать Дарье. Вдруг ему плохо?

– Но ведь с ним человек! Этот журналист.

– Какой это человек, – отмахнулась Травина и покатилась, бойко перебирая кругленькими ножками, к террасе.

Через пять минут у двери в комнату артиста, из-за которой не раздавалось ни звука, в растерянности стояли четверо: Лева, Василий и, вторым рядом, Лика с Дашей.

– Глеб Архипыч! – очередной раз крикнул Василий, тщетно пытаясь вставить запасной ключ в замок: ключ, вставленный с обратной стороны, не давал возможности открыть дверь. Вася, обреченно помотав головой, выразительно посмотрел на Леву.

– Давай ломать.

Гулькин прошептал, наклонившись к уху хозяина:

– Женщинам бы отойти. Мало ли...

Василий категорично кивнул дамам.

– Никуда я не уйду, – глухо, но бесповоротно изрекла Даша. – Может понадобится помощь.

– Но не ваша же! – отмахнулся от нее муж.

– Да что мы – пьяных мужчин в неглиже не видали, что ли? – возмутилась Лика. – Давайте скорее дверь выбивать. Трупов еще тут не хватало. – Травина оказалась на редкость рассудительной и смелой.

Василий с болью поморщился. «Такую дверь уродовать...» Впрочем, преграда оказалась не так уж неприступна. Лева вышиб ее с первого удара.

Зрелище предстало страшное. Полуголый Федотов лежал на полу посреди комнаты с искаженным судорогой синим лицом и закатившимися глазами. Эдик – ничком у окна. Даша вскрикнула и зажала рот рукой. Лева подбежал к Кудышкину, перевернул его на спину: журналист был без сознания, но выглядел вполне живым и даже румяным. Василий так и не смог переступить порог номера – побелевший, с раскрытым ртом, он не отрывал взгляда от страшного лица Федотова.

Жена дернула его за руку:

– Я вызываю «скорую» и полицию.

Говорун посмотрел на нее безумным взглядом, будто Даша собралась вызвать духов при помощи спиритизма.

– Он дышит. Пульс слабый, – сказала решительная Лика, опустившись на колени перед Кудышкиным и держа его руку. Она начала делать журналисту массаж сердца, с силой наваливаясь на свои ладони, сложенные крестом на груди Эдика.

Ей хватило одного взгляда на Глеба Архиповича, чтобы понять: никто и ничто больше не поможет ему в этой жизни «извлекать уроки».

– Да что за мертвая тишина такая?! – Зуля поднималась по лестнице в сопровождении Бултыхова, который все же нагнал ее у речки и неуклюже навязался в сопровождающие.

Увидев смятенную Дашу, которая не могла выговорить ни слова, пробегая мимо них к телефону в холле, Абашева схватила Степана Никитича за локоть. Впрочем, от неуклюжести «капитана» не осталось и следа. Он рванулся к номеру Федотова, подлетел к мертвому артисту, склонился на секунду над телом, приложив пальцы к его шее, и тут же, вскочив, подошел к другому пострадавшему. Бесцеремонно оттолкнув сопящую Лику, пощупал пульс у журналиста, приоткрыл пальцем веко, потом взглянул на стол. Увидев бутылки с напитками и пепельницу с окурками, хищно прыгнул к столу, едва не всунув нос в «бычки». Потом вытащил носовой платок из кармана брюк, жестом бывшего эксперта, обмотав большой и указательный пальцы правой руки, схватил одну полуистлевшую самокрутку. Понюхал и, левой рукой прихватив свободные концы платка, разломил окурочек. Начинка столь поразила Степана Никитича, что он отдернул пальцы от сигареты, упавшей рядом с пепельницей.

– Федотов наркоман? – строго спросил он у Зули, замершей в нелепой позе с полусогнутыми ногами, вытянутыми вперед руками и раскрытым ртом.

– Что? – обескураженно отозвалась Абашева, посмотрев на Бултыхова расширенными, непонимающими глазами, и кинулась к Кудышкину. – Эдичка! Эдюля мой!! – завопила она, падая на колени перед неподвижным любовником.

– Лева, немедленно «скорую»! Отравление наркотиками. Скорее всего, опиатной группы. Быстро, Лева... – четко и сурово обратился Бултыхов к Гулькину, игнорируя топчущегося у двери Говоруна, который, видимо, представлялся ему бесполезным в этой трагической ситуации.

Лева кинулся из комнаты, а Степан Никитич, бестрепетно отдернув Зулю от груди Эдика, начал с профессиональной сноровкой делать сопернику искусственное дыхание.

– Вы... кто? – просипела Абашева.

– Я врач. Военный, – ответил Бултыхов и вновь принял, набрав побольше воздуха в легкие, ко рту Кудышкина.

– Не охранник на проходной? – ошеломленно спросила Зуля и, поднявшись с колен, начала тереть глаза, в которые попала потекшая тушь с ресниц. Тушь размазалась до скул, и Абашева стала похожа на зловещий персонаж из фильмов про нечистую силу.

– Зуленька, возьмите себя в руки. «Скорая» приедет быстро, – тронула ее за руку Травина. – Пойдемте. Умоетесь. Мы здесь больше ничем помочь не можем.

«Скорая» и в самом деле приехала молниеносно. Врачи констатировали смерть Глеба Архиповича Федотова и коматозное состояние у Эдуарда Владимировича Кудышкина, предположительно от отравления наркотическими веществами. После внутривенного укола сердечный ритм и давление журналиста стали приходить в норму, и равнодушный врач со «скорой» ободряюще кивнул уже умытой бледной Зуле, заверив, что с «ее мужем обойдется».

Порыв ехать в больницу за возлюбленным категорично пресек следователь, молодой, развязный парень в помятой и мокрой от пота рубашке. У него была стриженная ежиком вертлявая голова, блуждающий взгляд и вид человека, донельзя изможденного жарой и происшествием наподобие сегодняшнего, в отеле «Под ивой». Звали следователя Геннадием Борисовичем Рожкиным.

– Куда же это вы?.. Как же я вас?.. Да что же вы думаете себе? – ворчливо тараторил он, наступая на дрожащую Абашеву. – Дело серьезное, с тяжелыми подозрениями. Пока всех здесь не допрошу! – Рожкин рассек воздух рукой, будто невидимой шашкой рубанул. Мол, за непослушание – и «голова с плеч». – А как вы думали?

Рожкин ненавидел частных собственников, зажавшихся артистов, развратных гламурных девиц, никчемных молодящихся старух и всех, всех остальных, кто находился тут, но кому он еще не дал исчерпывающей и краткой характеристики.

Бултыхов попытался обратить внимание следователя на необычный состав самокруток, курение которых, видимо, и привело к трагическим последствиям. Но Геннадий Борисович пригвоздил врача взглядом к стулу (дело происходило в холле, где собрались постояльцы, работники отеля и его хозяева).

– Экспертиза – это я вам скажу... дело особое. Дилетантский подход, это же ни с какого боку! – Рожкин закрутил головой с удвоенной силой, оглядывая растерянных свидетелей.

К известным нам персонажам присоединились еще двое: горничная и повар – племянница и дядька. Горничная, по совместительству кухарка – тридцатилетняя Ида Щипкова – была широкой, высокой и крепкой, как опора монумента «Рабочий и колхозница». Она отличалась угрюмостью и неимоверной работоспособностью. Сила ее молодых рук была устрашающей: Ида могла поднимать полные ведра над головой.

Рядом с ней сидел добродушный пышнотелый усач. Он являл собой до смешного типичный образчик щедрого и мастеровитого повара. Лучшего персонажа для телерекламы майонеза или пельменей, чем Феликс Николаевич Самохин, было не сыскать! Казалось, тягостную обстановку, установившуюся в холле, просветляли его густые пшеничные усы, под которыми

угадывалась неизменная улыбка, а глаза с лукавым прищуром, несмотря ни на что, не утратили своей природной веселости. Впрочем, впечатление это могло оказаться и ложным. К допросу шеф-повар и любимец публики отнесся предельно серьезно. Его первого допрашивал Рожкин.

– Я уже собирался домой, – веско, густым голосом говорил Самохин. – Напитками и сладостями, которые могут понадобиться гостям, вечером распоряжаются Дашенька с Василием. Я кое-что подготовил к завтрашнему и хотел уже проститься с Идой, мывшей посуду, как услышал крики Адели Вениаминовны и фырчание «скорой».

– Я поторапливала врачей, – встрял мяукающий голосок Пролетарской. Старушка сидела в кресле навывтяжку. – На их медлительность и равнодушие просто невозможно было смотреть без содрогания! – Вдова прижала скомканный надушенный платочек к глазам.

Рожкин прервал ее раздраженным жестом. Он намеревался провести допрос быстро. Кто где был в момент происшествия? Что видел и слышал? Лишь два вопроса интересовали дознавателя. Ответы устраивали лаконичные, без никчемных подробностей. Но к Зуле он отнесся с пристрастием:

– Почему вы так уж уверены в том, что ни Федотов, ни ваш приятель... как его... Кудышкин не могли принимать наркотики? Вы вообще сами-то как к травке относитесь? – Следователь с уничижением рассматривал замотанную в шерстяную шаль Абашеву, которую колотило, несмотря на не спадавшую даже к вечеру жару.

– Идите к дьяволу! – Зуля вскочила и едва не швырнула в должностное лицо при исполнении платком, сдернутым с плеч.

К полуночи постояльцы разбрелись по номерам, и следственная бригада, изъяв с федотовского стола бутылки, пепельницу и коробочку с самокрутками, отбыла из отеля, который погрузился в оторопелую тишину – будто в ожидании новых напастей.

Глава вторая

Люша вступает в игру

Юлия Шатова с сожалением смотрела на поникшие кусты гортензий. Эти раскидистые красавицы, усыпанные кистями кипенно-белых и розоватых цветов, никогда не выглядели у рачительной садовницы так безобразно. Да, конечно, лето вновь жаркое, сухое и усилий на полив и рыхление требуется сверх меры. Но ведь все пятнадцать лет, что Юля (по-домашнему – Люша) всерьез занимается землей, сил и желания у нее хватало на решение любых проблем с прихотливым участком. Двадцать пять соток – не шутка. Огород, теплица, ягодник, благоуханный сад: рабочий день агрономши-любительницы достигал порой четырнадцати часов. Впрочем, у мастера имелся подмастерье: помощница Полина – бойкая, полная сил пенсионерка. Да и в огороде муж наладил автоматический полив – огромное подспорье в работе, но... Но этим летом все валилось у Шатовой из рук: впервые она не испытывала никакого энтузиазма при виде новых бутонов и сочных стеблей.

Люша, отвернувшись от страждущих гортензий, побрела к скамейке под кустом сирени, откуда просматривался весь сад: с тремя округлыми цветниками и безупречным некогда газоном. «Но! Опять это “но”! Я снова придумываю предлог, чтобы увильнуть от работы. У меня нет ни сил, ни желания гнуться, таскать шланги, орудовать тяпкой, стричь обожаемый газон. Наверное, это называется депрессией? Когда хочется сидеть, подняв голову вот так, к завораживающему, мерно плывущему небу, и ни о чем не думать». Люша, откинув голову на спинку скамейки, сооруженной ее мужем Сашей и выкрашенной самой хозяйкой в лимонный цвет, в несчетный раз расслабилась и уставилась ввысь.

Выглядела Юлия молодо: миниатюрная, с правильными некрупными чертами лица, пышными светлыми волосами, которые для работы она собирала в высокий хвост. С кажущейся «конфетностью» женщины не вязались зеленые глаза: внимательные, все подмечающие. Они говорили о решительности натуры и живом уме. Да уж – простушкой Шатову назвать бы никто не смог. Впрочем, с образом матери семейства и прекрасной хозяйки ее эфемерный облик также мало ассоциировался, хотя любящей мамой двадцатидвухлетнего умника-сына и женой успешного мужа – известного диктора – Люша и была на самом деле. Неудавшаяся карьера профессиональной актрисы печалила Шатову недолго. Сад стал ее любимым делом: местом приложения деловых талантов и объектом творческого самовыражения. Но... «Все дело в моем новом призвании», – сказала она недавно, совершенно неожиданно для самой себя, ближайшей подруге – Светлане Быстровой. Добрую и верную Светку слова эти поразили. Она и не предполагала, что дело зашло так далеко.

Дело в том, что Шатова с недавних пор вполне профессионально – за вознаграждение – помогала в работе частному детективу. Шатовскую наблюдательность и умение анализировать сполна оценили профессионалы, а вот близкие видеть и принимать очевидное отказывались. Слишком это все выходило опасным. Люша и сама подчас давала себе зарок не лезть с головой в авантюры, но распутывать преступления ей так нравилось, что она могла бы вовсе забросить коллекционные розы и элитные томаты, если бы пришлось по приказу шефа мчаться на слежку, сбор улик, анализ документов. Привычный мерный уклад летел ко всем чертям в угоду тяжелой и опасной работе, в которой она всегда будет числиться в списке дилетантов.

Женщина достала мобильный телефон из кармана, чтобы проверить, нет ли сообщений от секретарши Олечки. Начальник, Владислав Евгеньевич Загорайло, двадцати семи лет, бывший опер, а ныне глава детективного агентства, отправился с молодой женой в свадебное путешествие. Морской лайнер, по расчетам Люши, подплывал к южному берегу Франции. А единственному рядовому сотруднику отдела, домохозяйке Шатовой, оставшейся на подмос-

ковном «берегу», приходилось довольствоваться лицезрением надоевших усадебных просторов и ждать вестей от Олечки. Вдруг кому-то захочется проверить супруга на верность (вот уж гадкое, по мысли Люши, начинание) или вывести на чистую воду партнера, умыкнувшего финансовые документы? Но нет, никому услуги безвестных сыщиков не требовались.

Юлия решительно встала со скамейки и пошла в дом – заваривать чай. День у хозяйки привычно катился «от чайника к чайнику»: ела она мало, все больше «аппетит себе портила», по словам родных, частыми перекусами.

«Да что может быть лучше чая с клубникой или ранним яблочком после нудной прополки? Душ, свежий травяной напиток, ягоды, кусочек сыра, ванильные сушки – мечта, а не жизнь!» – обычно парировала Люша, отмахиваясь от мужниной яичницы со шкварками. Красавец Саша много работал, с аппетитом ел, мгновенно засыпал и не мучил себя излишней рефлексией. Юлия же последние полгода, будто споткнувшись о камень-вопрос – так ли я живу? – неустанно занималась самокопанием.

На размышлениях о получении второго образования – юриста или психолога – раздался звонок. Долгожданный! Н-нет... звонила не Олечка. Номер высветился незнакомый.

– Здравствуйте, Юлия! Ваш телефон мне дала мама Наташи Юрасовой. Ну, теперь Загорайло.

– Здравствуйте, – настороженно ответила Люша.

– Я Наташина подруга – Дарья Орлик. Может, помните, на свадьбе Влада и Наты мы виделись?

– Да-да, – ответила бодро Люша, хотя совершенно не помнила никакой Дарьи. Перед глазами стояла только блондинистая Маша – подружка невесты, нещадно строившая глазки жениху: Люшу так и подмывало стукнуть ее по голове сумочкой.

– Мне неловко отвлекать вас в отпуске.

– Да что вы! Какой отпуск! Это у Влада медовый месяц, у меня же – суровые будни! – с воодушевлением воскликнула сыщица, отставив в сторону розетку с творогом, в котором она разминала малину.

– И все же, – вздохнула Орлик и в нерешительности замолчала.

– Даша, выкладывайте все просто и без ложного стеснения! У вас что-то явно стряслось, а мой опыт подсказывает, что за настораживающей ситуацией с оттенком криминала обязательно следует беда. Гораздо большая, чем мы можем себе представить. И потому хорошо бы эту беду задушить в зародыше! – Шатова излюбленным жестом рассекла рукой воздух, будто разрушила невидимую преграду.

– Да здесь уже не «оттенок», Юлия. У нас один именитый постоялец умер от передозировки наркотика, а другой – едва не умер. И он кричит на всю больницу, что народного артиста кто-то явно хотел отправить на тот свет. Впрочем, ему никто не верит.

– Я вспомнила! Вам отель в Подмоскovie достался! Отель, как выясняется, с сюрпризами. И что же? Заведено уголовное дело?

– Я не знаю, что уж там заведено, но следователь был. Я, естественно, вызвала полицию, когда обнаружили скончавшегося Федотова – знаете, наверное, такого народного артиста?

Люша не слишком церемонно присвистнула. Даша снова вздохнула:

– Меня настораживает то, что литературная помощница Федотова, приехавшая вместе с ним, – женщина резкая, но прямая, абсолютно убеждена в непричастности и актера, и своего любовника – это второй пострадавший, к наркотикам.

– Как у вас там все мудрено сплелось, – поцокала языком Шатова. – Журналисты небось одолели?

– Пока справляемся, – неопределенно ответила Орлик. – Но обстановка страшно гнетущая и... как бы сказать... Словом, я чувствую, что это только начало. И я боюсь. За мужа.

– Ему угрожают? – быстро спросила Люша и облизала ложку.

– Не то чтобы... Но мы здесь чужие. И местные власти вроде бы намекали на нашу неуместность. И вот, пожалуйста, – смерть от передозировки. Кто поедет в отель на десять номеров, где постояльцы мрут от наркоты? Слава притона – что может быть убийственнее? – Голос Даши дрогнул, и она замолчала.

– Я поняла вас! Требуется разобраться в ситуации, не афишируя своего сыщического интереса. Тем более праздной отдыхающей это сделать проще простого! Во всяком случае – легенда элементарна и безупречна. – Люша, по обыкновению, решение приняла мгновенно.

– Это было бы здорово, Юля, но муж и слышать не хочет. Я попробую его уговорить, если вы действительно готовы приехать. У нас, кстати, хороший повар и отличный спуск к реке и...

– Ну, река вообще все решает! – хмыкнула Шатова. – От нашей дачи полчаса на машине пилить до водоема. А если совсем серьезно – я, Даша, готова взяться за дело. Хоть завтра. – Раскрасневшаяся Шатова в волнении шагала по кухне, размахивая изящной ладошкой.

Дарья с облегчением выдохнула:

– Я вам страшно благодарна! Но знаете... поговорю сегодня с мужем и завтра утром перезвоню.

– Буду ждать. – Люша захлопнула телефон и с аппетитом набросилась на творог. Хандрю из огородницы будто вымыло водяной струей из шланга, за который Шатова немедленно решилась взяться, учитывая возможную командировку на неопределенное время.

– Ты совсем тронулась от страха?! Кто тебя просил лезть с приглашениями каких-то дур? – вопил на Дашу Василий, бегая по отведенным хозяевам комнатам на первом этаже.

– Во-первых, она не дура, а частный сыщик. А во-вторых, прекрати орать. Гости все слышат!

Даша сидела за столом, склонившись над листом ватмана, и заштриховывала карандашом нос щенка, над образом которого она работала уже вторую неделю. Даша не только рисовала – она придумала, занимаясь скучным хозяйством, целую историю про глупого, но доброго щенка, который попадает во всякие передрыги, но благодаря своей бескорыстности и прямодушью выходит каждый раз победителем.

– Брось немедленно свою мазню! – зашипел Говорун, нависая над головой жены.

Дашина рука чуть дрогнула, но затем с удвоенной силой заработала карандашом.

– Ну хорошо, извини, Даш, извини за резкость. – Василий сел на кровать, обхватив голову руками. – Как мы объясним нашим гостям, которые здесь просто заложниками себя третий день чувствуют, что мы, отказавшись принимать новых постояльцев во избежание общения с гадкими журналюгами, висящими на всех столбах и березах вокруг, вдруг сделаем исключение для какой-то тетki?

Даша пожала плечом:

– Ерунда! Скажем, что сестра. Приехала поддержать морально. Или что-то в этом роде.

– Просто разведоперация, которую твоя мадам сразу и завалит! Она же не знает никого из наших родственников. И проколется при первом разговоре с Пролетарской или этой вездесущей Травиной.

– Вася! – Даша, отложив карандаш, серьезно посмотрела на мужа. – Это все решаемые вещи. Юля сама предложила приехать инкогнито, значит, знает, как в таких ситуациях себя вести. Я удивляюсь ТВОЕЙ беспечности! Неужели ты думаешь, что нас защитит какой-нибудь Рожкин?

– А ты думаешь, на это способна твоя Юля? И вообще я не понимаю, от кого или чего нас нужно защищать! У тебя просто мания преследования. Федотов угостил наркотой этого Кудышкина – да с составом косячка лоханулся. Изношенный организм с зельем не справился, а молодой – оклемался. Все! Может, было наоборот – Кудышкин угощал. Но какая нам-то разница?! – Василий в изнеможении повалился на кровать, тяжело отдуваясь.

– Послушай, Бултыхову врать незачем. – Даша старалась говорить спокойно. – Все говорит о преднамеренном убийстве. В самокрутки с анашой, в самую середину, была насыпана львиная доля героина – Бултыхов ясно видел белые кристаллы.

– И что? – резко сел на кровати Вася. – Кто сказал, что это «герыч»? Экспертиза молчит. Как военный врач вообще может рассуждать на эту тему? Он пули выковыривает да конечности пилит. Я думаю...

Даша прервала мужа, решительно поднявшись:

– А я думаю, что тебе нужно пойти в администрацию и согласиться на продажу отеля фирме, которая их прикармливает. Мы не сможем играть роль «своих в доску» щедрых ребят и наизнанку выворачиваться перед чинушами. Даже если бы у тебя хватило на это сил и желания – времена не те: взяточников вяло, для галочки, но хватают. Так что рисковать, связываясь с непонятными москвичами, которые неизвестно откуда появились и мозолят глаза, никто не будет. Нас просто выдают! Если не посадят. – Даша плюхнулась рядом с Василием и пристально посмотрела ему в глаза.

Говорун, сжав губы и взглянув на жену с негодованием, вскочил и, выпалив:

– Нам не о чем больше разговаривать! – вышел, демонстративно хлопнув дверью.

Даша поправила панно на стене: вечно этот букет в рамке съезжал вбок, когда Вася входил или выходил. Поколебавшись с минуту, Орлик взяла со стола мобильный телефон и решительно вызвала абонента «Шатова Юлия».

Степан Никитич Бултыхов сидел на лавочке около здания местной больницы. Он вновь увязался сопровождать Зулю, навещавшую ежедневно возлюбленного. Абашева грубо высмеивала прекраснуюдушную опеку «дохтура», и Бултыхов злился на себя, «старого больного дурака», вздумавшего воспылать романтическим чувством к роковой красотке. Наконец она выбежала из корпуса: с несчастным, искаженным лицом, в слезах, и, не замечая подполковника, ринулась к воротам. Бултыхов поплелся за ней, но догнать, конечно, не смог. «Да провались все пропадом! Завтра разрешат уехать – и ко всем чертям! Домой! Хотя дело стоило бы довести до конца. Во всяком случае, призвать кое-кого к ответу. Ну да ладно. Совпадения в жизни случаются. И не такие...» – Степан Никитич тщетно пытался унять нарастающие тревогу и недоумение.

Не отличающийся ни темпераментом, ни оригинальностью Бултыхов вел пресную, а для Зули, возможно, и мучительно скучную жизнь вдовца-пенсионера. Газеты, прогулки до магазина через парк, книги и телевизор по вечерам. Раз в году поездка к морю или в санаторий. Впрочем, и этого скоро не будет. Скоро не будет ничего. Степан Никитич поморщился от боли, сдавливающей голову обручем: огненным, впивающимся все сильнее, жалящим. Вроде только отбился утром. Странно. Он положил под язык таблетку. Но приступ тошноты заставил дернуться Бултыхова к кустам.

Зуля, промчавшись мимо остановки маршрутки, побежала к лесу. Она смутно представляла, как можно сократить путь к отелю через чащобу, но, оглушенная, раздавленная происшедшим в больнице, не задумывалась над такой мелочью, как дорога к временному пристанищу. Вся жизнь катилась под откос!

В палату Абашеву не пустила медсестра, заявив, что «настоящая жена, приехавшая к Кудышкину, вряд ли захочет видаться с курортной любовницей». Эта очковая кобра в зеленом колпаке, ущербная инфузория! Так и сказала – курортной любовницей. Зуля стала звонить Эдику, но ее вызовы он сбрасывал. Впрочем, вскоре к задохнувшейся от гнева Абашевой из палаты вышла, вернее, выплыла, рослая горделивая тетка со стильно зализанными волосами, ухоженным остреньким лицом и с полуулыбкой представилась зычным голосом:

– Ну, здравствуйте, Зульфия. Меня зовут Клара Ветковская. Мне Эд много о вас рассказывал. Простите его за слабость и мальчишество – он не смог вовремя сообщить о женитьбе. Впрочем, вам ли говорить о мужской нерешительности? – и Клара снисходительно улыбнулась.

– Что за дерьмо?! – крикнула Абашева. – Мне нужно увидеть Эдика, а вы, дамочка, идите к черту! – Она попыталась пройти мимо тетки, задев ту плечом, но Ветковская мертвой хваткой вцепилась ей в руку и ледяным, «право имеющим» голосом сказала:

– Я вызову охрану: она предупреждена. Идите в отель. Эдуард вам позвонит позже.

– Да что вы себе позволяете? – вырвала руку Зуля, готовая любыми средствами постоять за себя.

– Вот! Видите – кольцо? – перед газами Абашевой замаячила холеная рука с обручальным кольцом, усыпанным бриллиантами.

– И у меня, видите – кольцо? – в ответ Зуля ткнула в тетку своей рукой с увесистым зеленым камнем.

– О, старый знакомый, – скривилась Ветковская. – Впрочем, я никогда не любила этот перстенок. Дешевка, купленная в ЮАР.

Зуля замерла. Да, действительно, Эдик привез кольцо ей в подарок из ЮАР в прошлом году. Как залог их... их... отношений. Их будущего?

– Я не ношу булыжники! – сочувственно покивала Клара. – Пришлось ему отдать фальшивку вам. Ну, не обижайтесь, простите слабого мужчину.

Она сочувственно взяла Зулю за руку, которую литераторша тут же отдернула.

– Мы поженились с Эдом четыре месяца назад. Он хотел все рассказать вам в этот свой приезд. Ну заодно уж и с Федотовым договориться об интервью. Царство ему Небесное. – Ветковская помахала перед носом щепотью, обозначив крестное знамение.

– Вы что, так и не поняли, что я руководитель его программы? – спросила соперница, наконец, естественным голосом. – Клара Амба – это мой творческий псевдоним. Я на самом деле Ветковская. Ну не Кудышкиной же становиться?

И тут Зуля все поняла...

Степан Никитич не видел, как Абашева умчалась в лес. Он, с трудом дотавив себя до маршрутки, поехал в отель. От слабости у подполковника дрожали руки, лицо заливало потом, несмотря на струю воздуха из раскрытого окна – благо утро принесло долгожданное похолодание и небольшой дождь. Поездка в подсакивающем то и дело микроавтобусе самым плачевным образом сказалась на самочувствии: боль становилась нестерпимой. А значит, таблетки больше не действовали, и придется прибегнуть к сильнейшему препарату, который кололи в больнице после обследования. И это военврач расценил как начало приведения приговора в исполнение. Да, на столь скорый финал Степан Никитич не рассчитывал. Впрочем, что ж – Бог располагает. Даст ли Он в достатке мужества и сил, чтобы до последнего не сломился дух?

У ворот гостиницы Бултыхова встречал донельзя взвинченный Гулькин:

– Степан Никитич, наконец-то! У нас тут все вверх дном! Обыск: настоящий, санкционированный. Дело-то вышло страшное – тяжелый наркотик нашли в сигарках. Огромную дозу! Как вы и говорили. Все, как вы говорили! И вас следователь ждет – чуть не в розыск объявлять собрался. – Вдруг Лева с ужасом отшатнулся от полковника: – Неужели и вы? Вы так ужасно выглядите.

– Я не слишком здоров. Мне необходимо лечь и принять лекарство, – задыхаясь и морщась от спазмов, сказал Бултыхов.

– Вот-вот! Они обыскали комнаты и нашли, у вас нашли... – Лева прижал руку к губам, будто боялся произнести страшное заклятье.

– Они нашли ампулы с обезболивающим и шприцы? Я их и не прятал. – Врач оперся на протянутую руку Гулькина.

С террасы сбежала Лика – бледная, с опавшими щеками, чернотой вокруг глаз:

– Степан Никитич! Этот ужасный полицей намерен вас задержать!

– Разберемся, – выдохнул теряющий последние силы Бултыхов.

Путь на второй этаж подполковник в сопровождении Левы проделывал нескончаемые пять минут.

В номере его поджидал Геннадий Борисович Рожкин, что-то пишущий за столом с разложенными на нем ампулами, понурые хозяева отеля, расположившиеся напротив следователя, и двое крепких мужчин, швырявших одежду Степана Никитича из шкафа на кровать.

– Вот и славно, – осклабился Рожкин. – Конечно, сдаваться страшно! Но нужно.

– Презумпция невиновности не работает более? – хриплым голосом сказал Бултыхов и повалился на подставленный Левоу стул.

– Все очень грамотные – это, конечно, здорово. Куда уж там! А нездорово то, господин Бултыхов, что в ваших вещах найден интересный препарат для инъекций. Это уж... я вам скажу уж... Опиатной группы на минуточку! И упаковочка шприцев к нему. Откуда? Не оттуда же, откуда героинчик в сигаретке Федотова? Да уж! Успокоительное я и не считаю как сущую мелочь. – Рожкин с воодушевлением выплевывал в сторону Бултыхова обвинения.

Степан Никитич, отдуваясь и кривясь от боли, полез во внутренний карман льняного пиджака, заставив дюжих оперативников рвануться к нему. Впрочем, полицейские успокоились, увидев, что врач вынул скрученные трубкой листы в прозрачном файле.

– Это выписка из больницы. Всегда с собой – на всякий пожарный. У меня рак головного мозга. Вот рецепты. – Степан Никитич ткнул папкой в следователя, не в силах более держать ее на весу.

Рожкин недоверчиво и разочарованно начал доставать листы из файла.

– Рецептики сами себе настроили?

– Вы же видите, что печати онкодиспансера, – отмахнулся Бултыхов и с благодарностью взял из рук Даши стакан с водой, сделал небольшой глоток, но тут же, скривившись, отдал стакан обратно.

Рожкин вытянул брезгливо губы, скептически покрутил рецепт в руках:

– Вижу... И понять не могу, почему вы в первый мой приезд не рассказали о ваших жизненно необходимых запасах.

– Но они никакого отношения не имели к этой истории с отравлением!

Тут Бултыхову стало отчаянно плохо, и он, стиснув зубы, застонал.

– Вы же видите, что Степану Никитичу нужно сделать укол! Может, вызвать врача? – вступила сердобольная Травина.

Бултыхов отрицательно замотал головой.

– То, что препараты отношения не имели, – это еще надо доказать! Да уж! – немного присмирив, но все еще куражась, сказал Рожкин. – И – самый главный вопрос дня: что вы слышали об угощении?

Бултыхов недоуменно взглянул на следователя.

– Допрошенный мною в больнице Эдуард Кудышкин утверждает, что самокрутки Федотову кто-то преподнес в отеле – в качестве угощения. Все здесь, кого я ни спрашивал, отказываются. – Рожкин уничижительно проехался взглядом по хмурым физиономиям собравшихся. – Да уж... А что можете сказать вы? У вас лекарства не пропадали часом?

Степан Никитич ткнул пальцем в упаковку ампул:

– Все тут. Как привез. – Врач на мгновение запнулся. Даже перестал судорожно дышать, будто вспомнив что-то. Но заминка эта длилась считанные мгновения. – Простите, но я ничего не знаю. Ничего. Мне очень плохо. Необходимо сделать укол. – Он откинулся в кресле, покрываясь испариной, а лицо его стало наливаться болезненной краснотой.

– Да-да, конечно, – кивнул Рожкин, вставая. – Но следствие вынуждено настаивать на вашем пребывании в «Под ивой», согласуясь, конечно, с состоянием здоровья, господин Бултыхов. И одну ампулку мы уж, как ни крути, изыщем. Что уж! Экспертиза – ничего не подделаешь.

После этих слов Геннадий Борисович переключился на Василия:

– Пойдемте, господин Говорун. Еще два номера – и на первый этаж. Кладовки, кухня, подвал – что там у вас еще? Осматривай да осматривай, разрази их... – И он замахнулся на кого-то неопределенного.

Тем временем Эдуарда Кудышкина перевели из реанимации в терапию. Клара Ветковская расстаралась, и несколько зеленых банкнот решили вопрос с отдельной палатой. Эдик, с землистым лицом и синевой под глазами, выглядел на застиранном до прозрачности белье кротким потерянным псом, таким печальнооким бассетом – незаслуженно избитым и выгнанным из дома. Он следил преданным слезливым взглядом за наводящей порядок в тумбочке женой. Захлопнув дверцу, она тяжело уселась на кровать, без трепета сдвинув ноги болящего своими идеально круглыми ягодицами.

– Все! Нет больше моих сил, Эд. Не-ту... – Она схватилась за голову, но тут же отдернула руки от тщательной укладки. – Ты обещал, клялся мне, что все игры, всё бесконечное вранье и похотливые суки позади. И что?! – Клара не могла больше сдерживать слез, которые подтапливали безукоризненный макияж. – Героин в сигаретке. Дохлый привилегированный педик. Наглая кобра с претензиями. Кошмарный сон, просто адов сюжет какой-то!

Эдик попытался схватить руку Ветковской, но она отдернула ее, встала, выхватив из кармашка блузки бумажную салфетку, и начала промокать ею под глазами.

– Завтра же перевожу тебя в московскую больницу! Дам следователю на лапу и...

Вдруг она в голос разрыдалась, закрыв лицо руками, – салфетка в черно-лиловых разводах плавно спланировала на линолеум.

– Все деньги, все силы, всё, всё тебе, бультерьеру неугомонному. – Женщина впадала в истерику, в отчаянии расхаживая по палате, поднимая руки в мольбе о справедливости. Многочисленные кольца на ее пальцах вспыхивали на солнце и гасли, когда изящные запястья падали долу.

– Кларусь, это ведь ужасная случайность... Ты же понимаешь, что проклятая, страшная случайность. Я ведь чуть не умер, а ты можешь... – Хриплый голосок Кудышкина оборвался, и журналист захныкал. От углов «собачьих» глаз поползли две мокрые струйки к мочкам аккуратных ушей.

– Случайности в твоей жизни стали закономерностью! – выставив указательный палец в сторону мужа, почти закричала Клара. – Почему ты не сказал мне, что эта хищница тут?! Ты ведь к ней, к ней заявился! А Федотов предлог! Просто удобный предлог! – Ветковская подошла к раковине и огласила пространство палаты громоподобным сморканием. После чего с остервенением стала намыливать лицо, подвывая.

Вытеревшись полотенцем с дыркой, сожравшей часть штампа районной больницы, Клара – красная, с отеками глазами, но удивительно помолодевшая без яркой раскраски, подошла, отдуваясь, к низенькому холодильнику и распахнула дверцу:

– Все о твоих вкусах знает эта Горгона с перстнем. Сок томатный, груши, сладкие сырки. Ни одной ошибки! Ни апельсинов, ни йогуртов. – Клара схватила с полки свой личный кефир, купленный утром в московском «Перекрестке», и с силой захлопнула дверцу холодильника.

– Клару-усь, – проблеял, повернувшись на бок, Кудышкин и протянул устрашающие ручищи к жене. – Я жутко виноват. Это все как-то сложилось помимо меня. На Федотова могла вывести только Аба... словом, только она. Это могло стать бомбой эфира! Я очень надеялся...

– Надежды оправдались! Бомба взорвалась. – Клара скрутила крышку-голову пластиковой бутылке и припала к ней губами.

Эдик смиренно смотрел на жену, ставшую трогательно-беспомощной без косметики, с простым славянским лицом: белесые бровки, бледные конопушки по щекам, серые глаза с неизбывной тоской.

Клара, опрокинув в себя пол-литра кефира, тщательно утерлась ладонью, сначала внутренней, потом тыльной стороной, и, сполоснув руку, поставила бутылку в холодильник.

– Кларусь, ну побудь со мной, ну приляг вот тут. – Эдик похлопал по простыне, сдвигаясь к стене. – С утра, бедняжка моя, крутишься, вся изнервничалась.

Ветковская поджала губки:

– Ага, врач сейчас явится, а мы дрыхнем. Голубки. – И она удовлетворенно хмыкнула.

Похоже, буря миновала, ссору-беду можно было считать исчерпанной.

– Да кому я нужен! Оклемался, и ладно. И следователи, и врачи задолбались со мной уже. До завтра можно считать опеку законченной, уверен!

– Попить ведь небось хочешь томатного? – примиренчески и даже с заботой в голосе сказала Клара.

– Ну давай! Люблю я помидоры – хлебом не корми. – Кудышкин уселся на кровати, поджимая мускулистые ноги. Бледность стала исчезать с его лица, в глазах опять мелькал привычный нагловатый огонек-вызов.

Клара дала мужу сок и, скинув стильный костюмчик на железную спинку кровати, облачилась в бриджи и майку, предусмотрительно захваченные из дома. Потом она ловким движением освободилась от заколок и растрепала русые волосы.

Выпив с наслаждением пакет сока, Кудышкин непререкаемым жестом повалил жену на кровать и, прижав ее к своему громадному телу, засопел уютно в ухо.

Сложившись калачиком, женщина приникла к мужниной груди, мерно вздрагивающей от ударов подновленного капельницами сердца.

Эдик вдруг громко икнул и раздраженно просипел:

– А «эта» даже сока нормального купить не могла. Какое-то горькое барахло с блевотным привкусом.

– Не будь законченной скотиной, – прошептала Клара и тут же начала мелко вздрагивать, проваливаясь в тревожный сон.

Геннадий Борисович Рожкин с оперативниками только к четверем дня закончили ничего не давший для следствия осмотр отеля, и Даша распорядилась подавать обед.

– Вы разделите с нами трапезу? – спросила хозяйка у Рожкина, вызвав тем его страшное негодование.

– Не разделим! – рыкнул он, и полицейская бригада укатила, с раздражением вдыхая дым от мангала, который разжег у черного хода повар Самохин.

Феликс Николаевич, надо отдать ему должное, трудился в эти дни с особым усердием. Он будто разделял вместе с хозяевами вину за происшедшее и отменными блюдами пытался скрасить тягостную обстановку, в которую погрузился после трагических событий пансионат. Проработавший большую часть жизни поваром в одном из известнейших московских ресторанов, Самохин решил, выйдя на пенсию, поселиться на даче: благо дочь-бизнесменша помогла оборудовать папе домик под зимнее проживание, и Феликс Николаевич наслаждался жизнью, выращивая любимую спаржевую фасоль, собирая грибы и разгадывая кроссворды.

В прошлом году Самохин, наслушавшись соседских сплетен о новых владельцах «буржуйской избы», решил прогуляться к гостинице, чтобы своими глазами посмотреть на доходный дом. И первый, кого он там встретил, оказался хозяином. Это был покойный Марк Иванович, который в этот момент усаживался в свой шикарный «Мерседес». Ухмыльнувшись в

пшеничные усы, Феликс Николаевич скромно прошествовал мимо, насвистывая песенку про «Феличиту», которая прочно ассоциировалась у него с собственным именем. Самохин отчетливо вспомнил, как лет двадцать пять назад готовил в своем ресторане киевские котлеты для лощеного кудрявого замдиректора столичной гостиницы. Ныне Марк Иванович мог бы «похвастаться» скукоженным лицом и круглой лысиной на затылке. Но блеск глаз, стремительность, голос – этого у бывшего замдиректора отнять было невозможно.

– Феликс Николаевич! Вы нарочно игнорируете добрых знакомых или подслеповаты стали?! – зычно окликнул повара коммерсант, который сразу узнал Самохина.

Говорун назвал встречу судьбоносной и тут же выгнал расхлябанного повара-горца Ираклия, пригласив на работу опытного, проверенного временем мастера. Феликс Николаевич и усом повести не успел.

– Какая пенсия? Ты что, Николаич, соевых сосисок из сельпо обожрался? Будешь жить и работать с почетом, есть на тарелках «Ламирье» и пить «Шато Мутон-Ротшильд», – выпалил Говорун и, хлопнув водителя по плечу, стартовал в Москву, оставив на проселке растерянного Самохина, составляющего в уме возможное меню нынешнего «импровизированного ужина», памятуя о подрощенных гулькинских цесарках, которыми аккуратно сегодня утром хвастался Лева.

Так и сложился костяк работников отеля «Под ивой». Ида примкнула чуть позже: Феликс Николаевич вырвал племянницу из нищеты глухой деревни, от бабки «Салтычихи». И тут тоже Самохин попал «в десятку» – привыкшая к каторжному деревенскому труду, Ида пахала за троих и ела преимущественно «сникерсы», предпочитая их любым гостиничным фуа-гра и бланманже.

Обед проходил в молчании. Аппетитом могли похвастаться только Лева и Вася. Лика заставляла себя глотать суп, Адель Вениаминовна лишь притронулась к расстегаю, Даша пила минеральную воду. Стулья Бултыхова и Абашевой пустовали. Зуля так и не явилась из больницы – в отеле решили, что она дежурит около возлюбленного, а Степан Никитич после укола обезболивающего наконец заснул. Ему Даша отнесла деревенской простокваши и чашку малины, которые он с благодарностью принял, но съесть так и не смог.

После мясной солянки и расстегаев с потрошками Феликс Николаевич внес на террасу стейки осетра, только что снятые с гриля. За поваром вперевалку следовала Ида с блюдом картошки «по-деревенски», украшенным зеленью и черри.

– Дашенька, вы уж не обижайтесь, милая, – промурлыкала Пролетарская, склонив к Орлик тщательно уложенную голову, – но мне это представляется «пиром во время чумы».

– А вам что же, Адель Вениаминовна, отдельно овсянку подавать? – раздраженно спросил Василий и стал с хрустом поглощать листья салата.

Пролетарская вспыхнула и протянула ручку к очередному пирожку.

– Меня очень беспокоит Степан Никитич. Быть может, нужно связаться с его родственниками? – ковыряя вилкой рыбу, сказала себе под нос Травина.

– Я думала об этом. Поговорю с Бултыховым, когда он проснется и немного повеселеет, – сказала Даша и решила съесть кусочек осетрины. Сколько, в конце концов, можно разнюниваться?

– Все одно к одному! Беда, просто беда, – сокрушенно вздохнул Лева, подкладывая Лике на тарелку зелени. Травина коснулась Левиной коленки, что едва не стоило блюду с салатом опрокидывания на пол: Гулькин всплеснул руками, закашлялся и схватился за стакан с соком.

– Лева, до чего ты неловкий, дерганый! Держи себя в руках, в конце концов! – не преминул сорвать на помощнике накопившееся раздражение Говорун и закричал в сторону кухни: – Феликс Николаич, Ида! Идите обедать с нами! Что уж теперь...

Через пару минут, сняв поварскую шапочку и фартук, к компании присоединился улыбающийся в усы Самохин и за ним смущенная Ида. Даша подумала, что впервые может разглядеть свою работницу без передника и косынки, повязанной до бровей. У Иды были густые, собранные в пучок рыжеватые волосы, молочная кожа и мягкие руки с круглыми локтями. Ситцевый сарафан немилосердно полнил женщину. «Я подарю ей кое-что из одежды. Обязательно», – подумала Даша.

– Ну, что обыск?! Выявил скрытые улики? – театрально насупив брови, обратился Самохин к Говоруну и стал придирчиво смаковать собственную солянку.

– Да ни черта они не нашли, естественно, – отмахнулся Василий. – Ясно ведь как Божий день, что наш актер актерыч притащил эти сигарки с собой. Экспериментатор престарелый, прости господи.

– Но журналист настаивал, насколько я понял из вчерашних разговоров, на том, что именно здесь, «Под ивой», кто-то снабдил Федотова наркотиком. Пресновато все же... – поморщился повар, пригубив очередную ложку супа и промокнув губы салфеткой.

Постепенно обстановка за столом разрядилась, вкусная трапеза сделала свое дело: раздавались вздохи, недоуменные и насмешливые восклицания.

– Феликс Николаевич, вы о чем?! – возрился на повара Говорун. – О злоумышленнике, который вместе со всеми сейчас потчуете рыбкой? – Василий дернул рукой, случайно указавшей на Пролетарскую. Вдова выронила вилку и затрепетала.

– Или вы с Идой в кухоньке снадобья варганите убийственные? – Василий демонстративно рассмеялся.

– Да, оригинальная версия, – хмыкнул Феликс Николаевич, накладывая сначала Иде, потом себе осетрины.

– Побойтесь Бога, Василий Иванович, – укоризненно сказала Травина и вдруг, потупившись, пробормотала под нос: – Хотя полиция ведь может заинтересоваться предметом, который всегда стоит на столе – а потом вдруг исчезает? В нужный момент...

Присутствующие замерли в тягостном молчании.

– Вы о чем, Лика? – спросила с недоумением Даша.

– Таинственность напускаете, Анжелика Алексан-на? – хмыкнул Василий.

– Знаете, господа, нам тут самодеятельность разводить не пристало. Все беды оттого, что каждый дилетант лезет не в свое дело. – Адель Вениаминовна укоризненно сверкала глазами в сторону Травиной. – Мне мой сын, а он человек не последний в этой стране, поверьте, – вдова с апломбом поправила платочек на шее, – всегда говорит, что проблемы у нас от некомпетентности.

– А по-моему, от воря, – вздохнул Лева.

– Что кормится при власти, – в тон ему поддакнул Говорун.

– Спасибо за обед и компанию, – громко двинула стулом оскорбленная Пролетарская.

– А десерт? Пирог с вишней? Фирменный Феликса Николаича, – засуетилась Даша, решившая устроить мужу кровавую расправу сразу после обеда.

– Нет-нет, спасибо, Дашенька. Я сыта. Полностью. И вот что я вам скажу. Если бы позволили мне стражи порядка покинуть этот дом, я бы сделала это немедленно! – Пролетарская, гордо подняв элегантную голову, засемила в дом.

Даша пихнула мужа под столом ногой, и Василий, вскочив, помчался за Пролетарской.

– Адель Вениаминовна, я вас в таком настроении не отпущу! Я хочу вам сказать, что... – далее слова его поглотили деревянные стены.

– Ну как, десерт? – обвела собравшихся растерянным взглядом хозяйка.

– Пирог подам, – буркнула Ида, вставая.

Даша с изумлением отметила, что молочные щеки горничной-кухарки пылали как никогда.

Устроившись на лавочке возле неказистого альпинария, сооруженного рядом с входом в баню, Лева допытывался у насупленной и донельзя сосредоточенной Лики, что она имела в виду за обедом.

– Какой предмет исчез? Я же вижу, что ты говоришь всерьез, – шептал Гулькин в лицо Травиной, брызгая слюной.

– Левочка, мне надо подумать. Просто подумать и, может быть, поговорить с одним человеком.

– Ну с каким, с каким человеком?! Что ты темнишь? А вдруг это опасно? Я бы никогда не подумал, что ты такая упрямая!

Лика, улыбнувшись, посмотрела в глаза Гулькина.

– Да, я упрямая. Хоть кол на голове теши – говорит моя мама. А разве плохо иметь характер и принципы?

– Прекрасно, – прошептал Лева и вдруг, подавшись вперед, приник губами к ее губам.

Лика мгновенно обхватила Лева руками что есть мочи.

В этот момент на тропинке, ведущей к дому, в нерешительности остановилась невысокая белокурая женщина с дорожной сумкой в руке. Люша Шатова, оценив страстность поцелуя влюбленных, постаралась бесшумно ретироваться. Но ее все же заметили, и Лева, отпрянув от Лики, вскочил.

– Простите, вы... вы журналистка? – Он решительно направился к сыщице.

– А?! Почему? – изобразила недоумение Люша. – Я – Дашина сестра. Троюродная. Мы с ней созванивались, и она пригласила меня погостить, а что, собственно...

– А-а... Ну тогда пойдемте в дом, Даша у себя, видимо. Она с квартальным отчетом мучается. Бухгалтер уехала в Турцию и забросила все дела. Страшно безответственная особа, – вы, кстати, не сильны в бухгалтерии?

– Нет, я учительница музыки.

– А-а, так вы коллеги с Анжеликой. – Лева церемонно указал на Травину.

– Здравствуйте! А я воспитательница детского садика. Вы не в саду работаете? – Лика протянула Юлии руку и широко улыбнулась.

«Выглядит милой и искренней. И “Ромео” ей под стать», – подумала Шатова, пожимая пухлую ладошку Травиной.

– Нет, я даю частные уроки игры на фортепиано. Меня зовут Юля.

Лева, подхватив Люшину сумку, помчался в дом, а женщины медленно пошли к террасе.

– Вам Даша не рассказывала, видимо, о трагическом происшествии? – спросила Травина.

– Конечно, рассказывала! И даже отговаривала от поездки. Но я решила, что нужно их с Васей поддержать.

– Да, они, безусловно, в унынии по поводу своего бизнеса. Боятся, что дурная слава об «Иве» распространится и отпугнет клиентов.

Собеседницы сели в кресла на террасе.

– А что думаете по поводу происшедшего вы, Лика? – Юля постаралась изобразить женское безудержное любопытство.

– Я думаю, что каждый, в конце концов, получает по заслугам, – жестко ответила Травина.

– Вам не нравился покойный актер? – Шатова испытующе рассматривала воспитательницу.

– Скажу так. Чем больше я его узнавала, тем меньше он мне нравился. Курение смертоносной травы окончательно завершило довольно... мм... демонический образ. Ну вот скажите, Юля, вы бы стали пробовать зелье, если бы вам предложил его малознакомый мужлан?

– Я бы не стала пробовать его даже в случае предложения доброй знакомой, – рассмеялась Люша. – А этот журналист вам тоже малосимпатичен? Считаете, что косячки он привез?

Лица скривилась.

– Не знаю. Две извилины, гора мышц. Впрочем, не хочу я никого судить. Слишком мало знаю этих людей. Бог с ними.

– Но вы убеждены, что это была трагическая случайность?

К сожалению, ответить Травина не успела, так как на террасе появилась взволнованная и улыбающаяся Даша, а за ней – насупленный Василий.

– Юленька! – с радушием кинулась, раскрыв объятия, хозяйка к сыщице.

– Дашенька! – в тон ей пискнула Шатова, и женщины обнялись.

– Добрый день, – холодно кивнул Люше Василий.

– Пойдем скорей, я покажу тебе твою комнату и накормлю. – Даша потащила «сестру» в дом.

– Ле-ева! – завопил Говорун.

Когда на террасе появился Гулькин, хозяин распорядился о сиюминутной партии в бильярд.

– Да у меня еще в подвале с вентилями... – начал было отнекиваться Лева, но Василий прервал его:

– Шут с ними! Полчаса погоды не делают. Мне необходима разрядка. Ну не напиваться же? – с мольбой посмотрел на помощника Говорун, и Лева поплелся за ним в холл к бильярдному столу.

«Очень странная реакция на родственницу. Очень...» – подумала Лица, глядя вслед Василию, и медленно пошла к воротам, решив немного прогуляться вдоль реки. Ей требовалось принять решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.